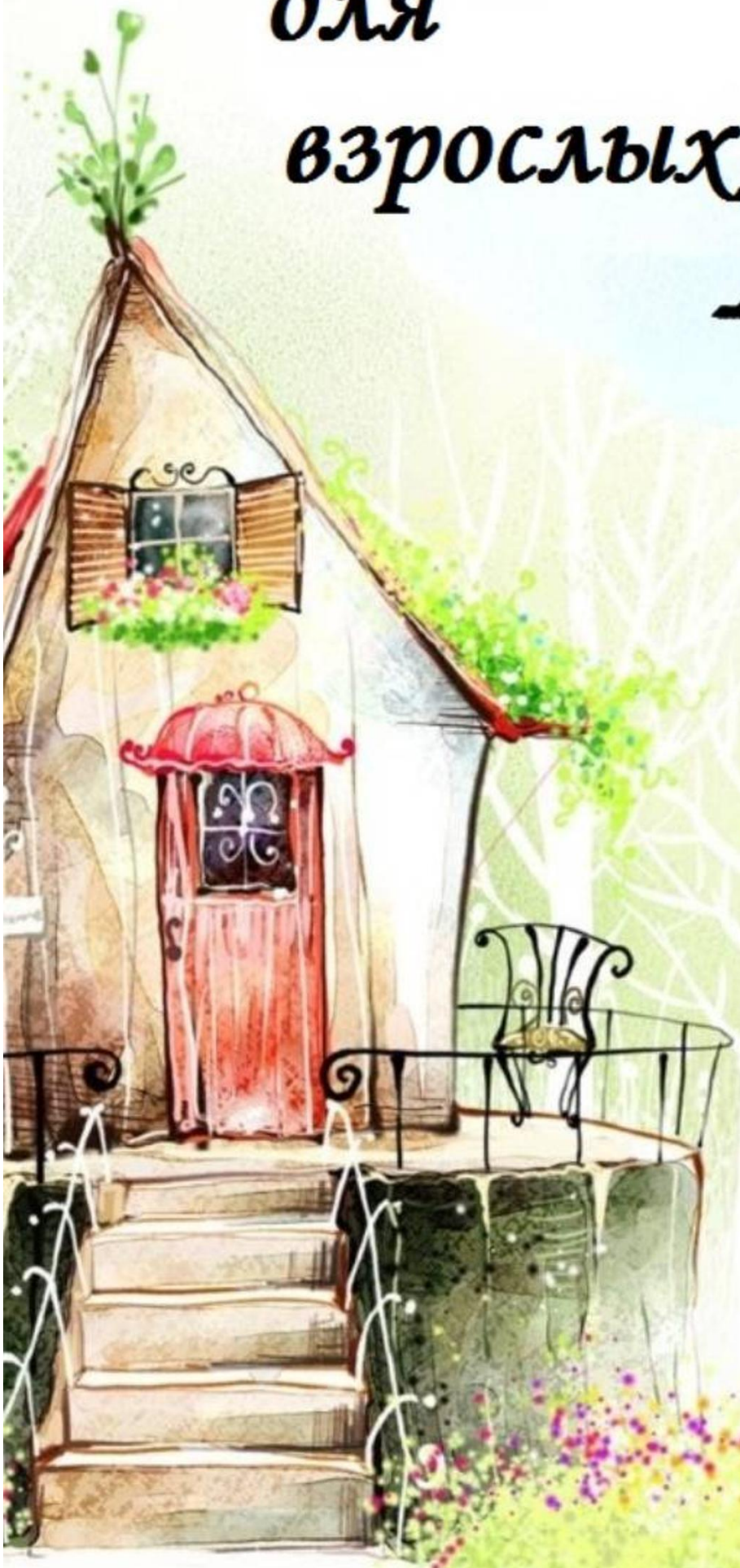
СКАЗКИ для взрослых 1

Николай Захаров

Николай Захаров

Сказки для взрослых 1

«Автор»
2026

Захаров Н.

Сказки для взрослых 1 / Н. Захаров — «Автор», 2026

В книге собраны пародии на известные сказки, написанные автором в разные годы. В основном – на русские. «Сказка – ложь, да в ней намек. Добру молодцу – урок».

© Захаров Н., 2026
© Автор, 2026

Николай Захаров
Сказки для взрослых 1

СКАЗКА ПРО КОЩЕЯ

Глава 1

Жил Кощей и был он действительно Бессмертный. И сам уж он не помнил, когда это приметил, но видимо однажды кто-то начал приставать с расспросами паскудными. Почему, мол, не помираешь? Вон, мол, сверстники, однокашники все почитай, как один по погостам залегли, а ты чей-то, как-то не особенно спешишь. Ну и так далее. На каждый роток не накинешь платок, как известно… Ну, и чтобы от досужего любопытства избавиться, начал вести Кощей жизнь кочевую, более нескольких лет на одном месте не засиживаясь. Вместе же с бессмертием обнаружил он в себе и еще некоторые способности и умения, для обычного человека не свойственные. Т. е. колдовал по маленьку. Получалось у него это с легкостью необыкновенной. В животных мог превращаться, например. Порчу мог навести ну и т.д. перечислять язык устанет, но все гадостной направленности для рода человеческого. Благодаря способностям своим Кощей не бедствовал, был «сыт, пьян и нос в табаке». Так и прожил целую тысячу лет гулеваня, пируя и пакостя ближнему и дальнему, по расценкам не самым маленьким. Но, в конце концов, и он устал от такой жизни беспутной. Захотелось Кощею покоя, тишины, уюта. А уж век 20-тый на дворе гремит техническим прогрессом. Выбрал Кощей городишко провинциальный, захолустный. Прикупил домишко на окраине, в два этажа, да и поселился. Живет, радуется. Днем в саду-огороде копошится, вечером с кухаркой наемной в подкидного режется. И ничего ему в общем-то от жизни даже и вечной больше и не надобно. Везде был, все видел, обрыдло – хоть и выглядел всего лет на 40-к не более. Так бы и жил поживал, да грянула Первая мировая, мобилизацию объявили и Кощею повесточку принесли. Собирайся, дескать, сокол и отправляйся воевать за Веру, Царя и Отечество. По возрасту очень даже годишься. А Кощей хоть и Бессмертный, но страсть как не любил все эти забавы воинские. А особенно – подчиняться, кому бы то ни было. Пришлось спешно бросить недвижимость и податься в бега. Дело-то привычное, но хлопотное. А в стране тем временем события развивались стремительно. Мировая война привела к развалу Империи, революции и все это "дерьмо" плавно перетекло в Гражданскую войну – т. е. резню. Белые рубали в капусту красных, те белых, а между ними сновало прочее население бывшей империи, выкрасившись во все цвета радуги, и резало тех и других. Все воевали со всеми. Кощей вернулся, в ставший родным дом, не собираясь воевать ни за белых, ни за красных, ни за серо-буро-малиновых. Наверное, потому что вообще был от рождения дальтоником. Власти в городишке менялись – приходили, то одни, то другие, но однажды пришли красные и больше не ушли. Кончилась Гражданская война.

"Ну, наконец-то хоть какая-то стабильность",– обрадовался Кощей. Он уже устал прятаться в погребе от очередных мобилизационных отрядов, рыскающих по городам и весям в поисках рекрутов, по распоряжению очередного временного правительства.

"Пусть красные, мне без разницы",– решил Кощей. И опять, днем в саду копошится, вечером, с той же кухаркой, в подкидного режется. Рано успокоился. Как-то ночью вломились в Кощеев дом вооруженные люди. Все вверх дном перевернули. Хозяина, связав по рукам и ногам, швырнули в телегу и отвезли в ГубЧеКа. А там, какой-то мужик в полосатой рубахе и кепке без козырька, совал ему в нос пахнущую тухлыми яйцами железяку, обзывал непонятным, но обидным словом "Контра" и требовал указать, где спрятал нетрудовые доходы, давал сутки на размышление и обещал "поставить к стенке", чтобы "пустить в расход". Потом Кощея спустили в подвал, предварительно попинав коваными сапогами. Развязать, конечно, забыли. Лежит Кощей, заклинания бормочет, чтобы хоть в туже мышь обернувшись от пут избавиться.

Но то ли от волнения слова путает, то ли вовсе способности колдовать пропали – не получается, хоть тресни. Так до утра и провалялся на гнилой соломе бревном, глаз ни разу не сомкнув. А утром лязгнул засов и опять уже знакомый мужик в полосатой рубахе, привычно сует в нос Кощеев пахнущую тухлыми яйцами железяку:

– Я, тебя, Контра, собственными руками из этого вот нагана час кончу",– орет.– Где злато, серебро спрятал, иксплуататор трудового народу?– и рукоятью промеж глаз. Кощей взвыл, он хоть и бессмертный, но не бесчувственный – больно, блин.

– Говори, гад,– пришлось сказать. Там и золотишка-то этого всего-ничего было-то, с пуд. Зачем Кощею больше? Он по необходимости наколдует, сколько ему надобно, да живет. А эту-то гирю использовал, как гнет в кадушке с грибами солеными. Обрадовался мужик в кепке без козырька и хрясь опять рукоятью нагана Кощею по загривку:

– А, Контра, колись, где остальное?– напрягся тот и припомнил, что перед войной, когда баньку рубила ему артель строителей, то гвоздей им не хватило и он наколдовал, сколько попросили – пуда два. Указал и это.

Мужик аж вызверился:

– Ах ты, буржуй недобитый, народ с голоду пухнет, а ты золото на гири да гвозди изводишь,– и снова хрясь наганом.

Баню Кощееву разобрали, гвозди и гирю изъяли. Самого же, тут же, в саду любимом, «к стенке» и поставили. Очнулся Кощей ночью, раны пулевые че-е-ешутся – заживают, стало быть. Хорошо хоть не глубоко зарыли, поленились краснозадые. Выполз из могилы, да и подался, куда подальше – от, почти ставшими родными мест. От треволнений эдаких напрочь утратив все свои колдовские способности, а может по причине возраста преклонного, как ни крути, а 1000-лет это вам не хухры-мухры. Пару соседних губерний пересек, в третьей решил остановиться. А, как и чем жить? Ведь не умеет ничего. Чародейством хлеб насущный всю жизнь добывая, ничему другому научиться не удосужился. А зачем, ежели в ладоши хлопнешь и все само откуда ни возьмись валится? Устроился все же сторожем в горбольницу, еле-еле заведующего уговорил. Документов-то нет. Там же при больнице и поселился. Со временем пообжился, документы выправил. В паспортном столе с его слов записали – Иннокентий Иннокентьевич Бессмертный. А попросту ежели – Кеша. Годков 20-ть даже убавить пришлось, чтобы соответствовать и подольше с места обжитого не срываться. Велели встать на учет воинский. Встал. Даже на сборы 3-х месячные сходил. Там Кешу научили пользоваться винтовкой Мосина, противогазом и саперной лопатой. Из винтовки дали даже пару раз стрельнуть. Так вот и стал Кеша полноправным советским человеком. И стал жизнь вести тихую, законопослушную. Днем отоспится и в больничном саду копошится, ночью с кочегаром больничным в подкидного дурака режется, т.е. имущество больничное сторожит от лиходеев. А страна, между тем, в первых пятилетках корчится, то индустриализация, то коллективизация. Но все как-то мимо Кеши. Так до 2-й мировой в сторожах и прослужил.

Началась Великая Отечественная. На стенах появились плакаты типа – "Родина-Мать зовет" и "Убей немца". Родина-Мать глядела сурово и требовательно, немец был мелкий и жалкий. Не забыли и о Кеше, повесточку серенькую прислали. Почесал он в затылке, вспомнив как в прошлую войну "закосил" от службы,– "Может быть опять в бега податься?"– но вот обстоятельства-то переменились. В прошлый раз он колдовать умел, а нынче кто его беглого дезертира кормить будет? Делать нечего, пошел на призывной пункт. И уже через неделю красноармеец Иннокентий Бессмертный, с винтовкой Мосина, бежал с криком "УРА" на немецкие танки. В этой атаке ему и "прилетело", немецкой же пулей, прямо в лоб.

Очнулся Кеша от пинка в бок. Лоб и затылок че-е-е-шутс-я-а – заживают, стало быть. Глаза разлепил и увидел супостата, ну точь в точь, как на плакатах, только морда наглая:

– Rusische sweine, aufstein,– рявкнул супостат и снова пнул Кешу в бок. Кеша в гимназиях не обучался и языка немецкого не знал, но быстро сообразил, чего от него хочет эта плакатная

бестия, а пинки по ребрам ему еще в ЧК ой как не понравились, поэтому дожидаться третьего пенделя не стал, а быстренько привел тело в вертикальное положение.

Немец, прикладом промеж лопаток, указал в каком направление необходимо двигаться и, произнес фразу на русском языке, явно почерпнутую из солдатского, засапожного разговорника: – Даваль, пошель,– ну и "пошель". А куда нахрен денешься? Кеша хоть и бессмертный, но не бесчувственный же и пулю получать снова ему ох как не хотелось. Идти-то, правда, совсем недалеко нужно было, метрах в 200-х дорога, а по ней уже целый полк пленных красноармейцев пылит. Немец на прощанье ткнул стволом винтовки Кешу в спину, рявкнул: – Schnel,– и Кеша влился в уныло бредущую колонну.

Шли до вечера – ни привалов, ни кормежки. Вечером колонна втянулась в большое довольно село. Бабы повыскакивали и даже кой-какой еды накидали. Картошка в основном, да ломти хлеба. На ночь загнали в какой-то амбар или склад без крыши. Видно снарядом снесло. И хорошо – иначе просто задохнулись бы в тесноте. Амбаришка то так себе -10 на 15-ть, а народу за 1000 душ. Только что не стояли. Присел Кеша в уголок, привалился к стене, заснуть попробовал. Только на пустое брюхо что-то ему не засыпалось. Вспомнил столовку больничную. Потом вспомнил времена, когда ему еды наколдовать было проще, чем немцу "пошель" выговорить. "Эх, сейчас бы хоть сухарь какой-никакой плесневелый и тот бы ушел за милую душу",– подумал Кеша и с досады пальцами щелкнул. И то ли в свое время пуля комиссарская, что-то в мозгах не туда сдвинула, а теперь немецкая назад вправила, но только вернулась к Кеше эта его способность – из ничего продукты питания создавать. Подтверждением чему являлся заплесневелый сухарь, который Кеша судорожно сжимал в руке.

– Тебя как зовут, земеля?– от неожиданности Кеша вздрогнул. Рядом сидящий красноармеец смотрел на него сурово и требовательно, почти как плакатная Родина-Мать. – Кешей,– просипел Кеша.

– А меня родители Иваном нарекли. Ты меня не помнишь? Мы же из одной роты,– Кеша присмотрелся. Лицо круглое, рябое, голова стриженая под ноль, обычный солдат, разве что здоров лосяра, косая сажень в плечах. – Нет, не припоминаю,– вздохнул Кеша с сожалением.

– Ну и ладно. А скажи, Кеша, как это у тебя ловко с сухарем получилось? Я видел, пустая рука была и вдруг… откуда взялся? – Наворожил,– честно признался Кеша.

– Ну-у,– удивился Иван.– А еще могешь? Или слабо?

– Попробую,– пробормотал Кеша и, представив мысленно булку хлеба, щелкнул пальцами.

– Ну, ты даешь!– восхищенно прохрипел Иван. Обнюхивая буханку ржаного хлеба.– Да она еще теплая прям, как из печи только что,– от запаха свежеиспеченного хлеба у Кеши закружилась голова, в животе заурчало, а рот наполнился слюной. Организм требовал пищи.

– Слышь, Кеша – это ведь Иннокентий? А по батюшке как? Иннокентьевич? Слышь, Иннокентий Иннокентьевич, мил человек, а окромя хлеба, мясного чего сварганить не могешь?– Кеша щелкнул пальцами, уже гораздо увереннее и по полу покатилась банка стандартной армейской тушенки.

– Елки метелки!– восхитился Иван, подхватывая банку. На запах хлеба, носы и желудки сидящих в амбаре красноармейцев, среагировали, так же как и Кешин, а через минуту в сторону Кеши с Иваном уставился весь личный состав, находящийся в амбаре. Пара тысяч голодных глаз. Глаза смотрели требовательно и сурово. Родина-Мать с плаката гораздо ласковее. И Кеша понял, что ежели он – рядовой красноармеец Бессмертный, немедленно это требование не удовлетворит, то участь плакатного немца, проколотого красноармейским штыком, будет завидной по сравнению с его. Колоть нечем, просто порвут в лохмотья. Ну, и в общем – весь следующий час – теперь уже и не Кеша вовсе, а Иннокентий Иннокентьевич /и никак иначе/, щелкал пальцами, обеспечивая весь пленный полк хлебом и тушенкой. Справился, а ведь даже в лучшие свои времена в таких количествах продукты производить не приходилось. Будучи

Кощеем, Иннокентий Иннокентьевич предпочитал чародейством злато да серебро производить, а уж на них приобретать еду и питье. Оно и понятно, ежели ты повар никакой, то будь ты хоть каким колдуном, а ничего путного и съедобного не получится. Хлеб да тушенка – это просто. А вот когда кто-то попросил щец сварганить и Кеша пальцами щелкнул, то хлебнув из котелка, желающий тут же выплюнул содержимое на пол и непечатно выражаясь, отплевывался еще с полчаса после этого. Не получились щи. Более ни кто к Кеше, с просьбами подобного рода не обращался. Ну, делает человек хлеб и мясо, а более ничего не умеет. И на том спасибо. Какого рожна еще надо? Воды, правда, попросили. И тут Иннокентий Иннокентьевич не обманул ожидания – целую бочку сто ведерную из ниоткуда выдернул и даже с краном. У них при больнице такая же стояла в саду, для поливки, Кеша почитай 20-ть годков ежедневно рядом с ней терся, потому и наколдованная получилась с больничной одна к одному, а может быть она самая и переместилась из сада прямо в амбар. "То-то завтра больничные работнички удивятся, когда ее на месте не увидят",– Кеша довольно хмыкнул и, щелкнув пальцами, сотворил тысячу кружек, ну а так как из металлов понимал только золото, то из этого презренного металла они и получились. Никому, правда, до этого и дела не было. Расхватали, подумали, что из меди. Таким же макаром все не имеющие котелков и ложек получили по комплекту и опять же из того же металла. Кто-то из пленных робко попытался попросить Иннокентия свет Иннокентиевича: – А нельзя ли зелена вина для сугреву?– но тут же получил от близ сидящих по шеям.– Ишь че захотел, босота, может тебе еще и девок в сарафанах?– амбар дружно скреб ложками в банках, которые, кстати, были из серебра /ну, не знал Кеша других металлов/, да и не признавал видимо подсознательно за полезные.

– А чего, ты Иннокентий Иннокентьевич, еще могешь, окромя как хлеб с мясом и водой производить?– это Иван, душа неугомонная, встрепенулся.– А вот табачку бы сейчас…

Кеша задумался. Раньше-то он много чего умел, до чекистского нагана. Табакокурением, правда, никогда не увлекался и потому не представляя, что это за зелье и каково оно на вкус, развел руками с сожалением:

– Нет, Вань, этого не умею. Вот глаза раньше умел отвести, сейчас не знаю – может и не получится.

– Это как так… отвести?– заинтересовался Иван. Кеша щелкнул пальцами и исчез.

– Елки метелки! И чего мы тогда тута сидим? Эта ты же немцам могешь глаза замылить такоже?

– Ну-у-у, не знаю. Попробовать надо,– засомневался Кеша, возвращаясь в видимое состояние.– Одно дело самому спрятаться, а 1000 человек – это я и не делал никогда.

– А ты попробуй, мил человек, вдруг получится,– Кеша щелкнул пальцами, амбар опустел и только по хором выдавленному тыщей глоток "Ох", и другим звукам, можно было понять, что тут кто-то есть.

– Ох, ни фи-и-га себ-е-е. Ну, Иннокентий Иннокентьевич, ты уме-е-лец.

Народ тем временем пришел в себя и к месту, где обосновались Кеша с Иваном, стали пробираться наиболее активные. Один из них – дядька солидный, в очках, петлицы ободраны, но понятно и без знаков различия, что, по-видимому ,командир и не маленький, хлопнул Кешу по плечу и пробасил доверительно:

– Я, Иннокентий Иннокентьевич, коммунист и во всякую там чудесию не верю, потому как материалист, а тому, что ты тут творишь, наверняка имеется научное объяснение. Читал я что-то там такое, о том, что и мысль человеческая материальна. Ну и вообще, мы коммунисты за то чтобы сказку сделать былью, рождены, можно сказать, для этого. Даже песня такая есть. А значит удивляться и охать не будем, а давай думать, как нам твои способности использовать, чтобы из плена фашистского, позорного освободиться, и к своим пробиться. Согласен ли со мной?– Кеша кивнул, попробуй не согласись, когда на тебя с плаката Родина-Мать смотрит, да

еще руками при этом размахивает. Да и сказать по чести – жалко ему впервые в жизни этих людей стало. Ведь живут на белом свете всего ничего, да еще и маятно как.

– Ну, вот и ладненько. Тогда сделаем так. Утром немец двери отопрет, ты им сволочам глаза отведи, а уж дальше мы как-нибудь сами управимся. Фамилия моя Власов, исполнял обязанности комбрига. Честь имею,– очками сверк и отвалил. Ночи летние короткие, но немец он по распорядку железному живет и двери амбарные отпер только часам к 8-ми. Стоят супостаты и тупо смотрят на пустой, как барабан склад. И тут началось!! Невидимая сила налетела и, сворачивая фашистские шеи, потекла из амбара. Ну, в общем-то и не много их этих фрицев то было. Взвод охранный. Так что через пять минут все было кончено. Обозники еще из ЧМО / части материального обеспечения/, человек 40-к, да трофейщики из "Annewerbe"– ну эти не вояки. Через 10-минут село от оккупантов очистили.

Кеша в свалку не лез, из амбара вышел последним, дождался окончательной виктории над противником и чары с красноармейцев снял. Радостные все, возбужденные. Власов обниматься полез. – Ну,– говорит,– спасибо тебе, Иннокентий Иннокентьевич, от всей Красной армии. Дойдем коли до своих, буду ходатайствовать о представлении тебя к ордену. Верти дырку в гимнастерке – мое слово верное. – Служу трудовому народу,– рявкнул Кеша, как учили и даже каблуками стоптанных ботинок щелкнул. – Ну-у, орел,– изумился комбриг, опять оказавшийся при исполнении.– А ведь с виду не скажешь и росточком не вышел, и лицом невзрачен, но орел. При себе оставляю, будешь исполнять обязанности ординарца. Согласен ли?– Кеша уже привычно кивнул. Попробуй тут не согласись, когда Родина-Мать в лице комбрига зовет. А про себя подумал,– "А не пошли бы вы все с вашей войнушкой к едреней фене – это я от призыва отвертеться не мог, по причине отсутствия способностей колдовских, а теперича мне оно надо? В ту войну – за Веру, Царя и Отечество, а в нынешнюю за что? Церкви поразвалили, Царя расстреляли, Отечество загадили так, что дышать невозможно. Не страна – помойка. Сидит, правда, в Первопрестольной, в Кремле, какой-то кавказец-басурманин, с фамилией-кличкой Сталин и именно его велят поминать опосля Родины-Матери, когда на танки с винтовками гонят, но нет не греют что-то душу эти лозунги трескучие",– и решил Кеша, снова Кощеем себя почувствовавший, уйти в отставку по собственному желанию – причем немедленно,– «Только вот с Иваном попрощаюсь из вежливости»,– приглянулся ему чем-то паренек, может искренностью своей и тем, с каким восхищением на Кешу глядел, а может уважительностью. Кешу ведь во всю его 1000-летнюю жизнь никто по имени отчеству не величал. Кощей, да Кощей. Тьфу! А тут – "Иннокентий Иннокентьевич. Вон комбриг в ординарцы определил и вроде как начальником непосредственным стал, однако рядовым не называет, а по имени отчеству уже, не иначе. А чья заслуга? Понятно, что Иванова, он пример подал",– разыскал Ивана, да напрямую и предложил, свалить пока не поздно.

Тот глаза вытаращил. – Да ты че, Иннокентий Иннокентьич? Как можно? Родина жеж, Мать жеж, в опасности жеж? А присяга? – Да плюнь ты, Вань, на ту присягу. Где мы и где присяга? Час вот немчура на танках подтянется и наступит у всех веселая жизнь, я уже лязг гусеничный слышу. Конечно, можно и этим глаза отвести и я, пожалуй, Власову помогу народ в леса увести, ну а уж дальше извини. Либо ты с Власовым, либо со мной. Думай?– а тем временем /Кеша не ошибся/ в село медленно вползала колонна танков. А вооружение у освободившихся так себе – стрелковое в основном и то в недостаточном количестве. Понятно, что опять вся надежда на Кешу, с его умением глаза замыливать. Ну, щелкнул пальцами. А Власов-комбриг, уже по ротно и по взводно людей рассортировавший и не подумал в леса их уводить. Кричит: – Товарищи, у нас преимущество мимикрии, враг нас не видит, подпустим поближе. Из танков облегчиться, оправиться выползут – тут мы их голыми руками и передушим,– и ведь послушались. Затаились, ждут. Танки вползли в село и, не обнаружив противника, остановились. Танкисты выползли из-под брони и первым делом ринулись к колодцам. Гогочут, водой друг друга поливают. И тут опять налетела сила невидимая и в пять минут шеи танки-

стам-фрицам посворачивала. Никто из них ничего понять не успел. Сноровка у бойцов растет. Кеша морок снял и опять Ивана разыскал. – Ну что, надумал?

– Извини,– говорит Иван,– не могу. Жизнь короткая и если на войне не убьют, то как я потом в глаза детишкам будущим погляжу. Что отвечу им, когда спросят,– "А ты, папка, почему от врагов Родину-Мать не защищал, как другие папки? Эвон у них сколь орденов да медалей, а твои где?"– что тогда им отвечу? – Да уж…– такого ответа Кеша услышать не ожидал. Детишек Ивановых будущих, с их расспросами, как-то не учел. – Ну, что ж – Вольному воля,– на прощанье сотворил бойцам пару тысяч банок тушенки и хлеба столько же. И ни с кем более не прощаясь, за околицу умотал. Ушел Кощей в леса дремучие. Нашел заимку брошенную, поселился, живет. Надоели ему людишки, век-бы их не видел. А людишки нет, нет, да напоминали о себе. То самолет в небе проревет, то где-то артиллерия прогрохочет. А однажды, года два спустя, вышла к заимке Кощеевой группа человек в сто. Партизанский отряд в рейде. Кощей за два года бороду отрастил до пояса и выглядел старцем преклонных лет, а потому расспросами докучать не стали и так все понятно. Особенно не притесняли, отоспались пару суток вокруг сторожки, лес, правда, загадили на 5-ть гектаров вокруг и дальше подались. Командир партизанский на прощанье посоветовал:

– Ты бы, дед Иннокентий, ушел пока отсюда куда подалее, за нами каратели уже вторую неделю с собаками шарахаются. Немец нынче злой, сожгут вместе с избенкой живьем, с них станется,– Кеша кивнул, а про себя подумал,– "Ну, уж фиг. Я тут привык. А ежели и впрямь заявятся, то уж как нито глаза отведу и пережду".– Эх, мало били Кощея в ЧеКа. Застали опять врасплох, только теперь уже немцы. Ворвались ночью в сторожку, все вверх дном перевернули, хозяина полусонного по рукам и ногам связав, в подводу бросили. И щелкать Кощею, в таком положении, оставалось разве что челюстями.

Привезли в городишко и доставили в местное отделение гестапо. А там мужик-немец в черном пиджаке и в фуражке с черепом, стал орать на Кешу и совать под нос железяку, воняющую тухлыми яйцами:

– Говори где партизанская база?– орет и хрясь рукояткой промеж глаз. Ну, все как в ЧеКа, только те злато-серебро требовали, а этим какую-то "базу" подай. Знать бы еще, что это такое. Кеша так прямо и сказал: – Не знаю, вашскобродь, ни про какую базу,– и тут же получил снова рукоятью по голове.

Ну, не бесчувственный, хоть и бессмертный был Кощей – поэтому взвыл и согласился, и показать, и довести, и погрузить – ежели такая надобность возникнет. На ночь швырнули Кешу в подвал, попинав предварительно коваными сапогами. Развязать естественно забыли. "Видать во всех организациях подобного толка порядки одинаковые",– подумал Кеша. Так до утра и провалялся. А утром громыхнул засов и уже знакомый немец, в фуражке черепастой, распорядился арестанта вывести. Пинком подняли, пинками и вывели. – Ну, дед, пошель,– тут Кеша взмолился: – Дозвольте, вашскобродь, нужду справить, мочи нет терпеть!

Гестаповец махнул рукой, путы сняли. Кеша пальцами щелк, да и через забор скок. Бежит, радуется. Сзади немец орет: – "Chalt",– потом стрелять начали. Поздно Кеша свою оплошность понял. То ли от ударов по голове опять, что-то там в голове сместилось неправильно, но не сработал щелчок. Морок не получился. Очнулся Кеша ночью, раны пулевые чешутся, зарастают. Прикопали черепастые тоже не глубоко. Выполз из могилы и подался в лес. Идет, пальцами щелкает, даже в ладони пару раз хлопнул. Нет, пропали способности будто и не было их вовсе. Двое суток брел, пока не вышел на дозор партизанский. Тут Кеше повезло, на знакомцев наткнулся. Именно они и проходили мимо его сторожки. Выслушали, посочувствовали, накормили. И гнать не стали. Оставили при кухне стряпухам в помощники. А страна тем временем воевала, ну и Кощей волей-неволей с ней вместе, как мог.

Глава 2

Май-45-го Кощей встретил в Берлине, куда военная судьба его забросила. Бороду еще в отряде сбрив, выглядел молодцом и ждал, как и все, дембеля. И тут опять не повезло, нарвался случайно на Ивана. На одной из улиц берлинских лоб в лоб столкнулись. Да уж, тесен мир. Кеша то Ваню не признал, изменился парень за 4-ре года, а вот Ивану это труда не составило. Признал Иннокентия Иннокентьевича – кормильца. Ванька, как и мечтал, весь в медалях.

– Ну что, Вань, не стыдно будет теперь детишкам в глазенки смотреть?– спросил Кеша

– Нет, не стыдно,– отвечает Иван, да и хвать Кешу за ворот.– А вот тебя, мил человек, совесть моя красноармейская велит сдать, куда следует за дезертирство, тогда в 41-м,– и сдал в СМЕРШ. Была в те времена такая сердитая организация в армии. Ну, а там опять битье и пистоль ТТ вонючий под нос. Даже привычно. Расстреливать не стали. Война, Слава Богу, кончилась. Отправили на Колыму.

Лучше бы расстреляли. Даже Кощей норм Колымских не выдерживал, падал. Люди же обычные, мерли как мухи. До 53-го, пока кавказец-инородец дуба не дал, почитай – 8-м годов Кеша горбатился на "хозяина" и эшелон руды, одной киркой за эти года наковырял. Потом была амнистия. Кеша поехал в Смоленскую губернию – все же места знакомые, обжитые. Устроился в колхоз по специальности – сторожем. Колхоз домишко предоставил. И снова стал Кеша жить жизнью тихой, законопослушной. Днем отоспится и на приусадебном участке копошится, ночью с колхозным пожарником в подкидного режется, т.е. охраняет колхозную собственность от лиходеев. А страна тем временем шарахалась, то в "оттепель", то в Карибский кризис, в космос летать люди начали, чего-то там поднимали, осваивали, ускоряли, догоняли, перегоняли. Но как-то все мимо Кощея.

После Колымских разносолов, жизнью своей Кеша был очень доволен. Вышел, как положено, на пенсию. Целых – 7 рублей дали. На спички и соль хватало. Опять бороду до пупа отрастил, чтобы постарше выглядеть, да и живет себе, в ус не дует. Ушел Хрущев-кукурузник. Леня Брежнев тоже ласты свернул. Потом началась чехарда со сменой кремлевских старцев. Кеша их запоминать не успевал. Андроп, Черненко. Кто-то там еще. Потом лет на 7-м – Горбачев "меченый", как его народ прозвал. Этот и вовсе страну развалил. Почти как в 17-м бардак. Кеша уж решил, что до очередной гражданской дожил. Ан нет, видно время не пришло. Если и была, то вялотекущая. В ту-то Гражданскую, каждый за свое цеплялся, собственников много потерявших собственность было. Оттого-то люто так и резали друг друга. А в конце века как раз наоборот. Растаскивали ничье т.е. государственное. Но постреливали. Потом года эти назвали "лихие девяностые". Тот щелкопер, что это первый озвучил, истинного лиха и не видывал, но название прицепилось, как репей к собачьему хвосту. Так вот в эти то "лихие девяностые" Кощею действительно лихо пришлось. Сначала пропали из продажи спички, потом соль. Жрать стало нечего.

Колхоз развалился, все стали снова единоличниками. Поделили технику и угодья, причем руководство бывшее колхозное организовало АОЗТ/Акционерное общество закрытого типа/и по новым хитрым законам 80% бывшей колхозной собственности себе захапала. А закрытое, потому что никого кроме родственников председатель в него не принимал. Нет, ну на работу нанимайся, пожалуйста, но не полноправным членом, а бесправным. И это по всей стране. На заводах и фабриках, на электростанциях и рудниках. Даже Кеша, от политики далекий человек, плевался, наблюдая, за тем как ничтожная часть населения стремительно богатеет, а основная масса нищает со скоростью еще более стремительной. "Кто же это власть в стране захватил?"– гадал Кеша.– «Да большевики по сравнению с ними ангелы белокрылые»,– однако, нужно было что-то есть и как-то жить. Пришлось с приусадебного участка тащить на рынок редиску да помидоры. А что делать? Без спичек и соли как? Приехал как-то в райцентр Кеша, заплатил за место, стоит редиску свою нахваливает. Что, мол, и полезна, и от всяких хворей помогает. И тут подходят к нему трое обломов и требуют оплату за место: – Гони, дед, монету.

– Я уж, сынки, проплатил в кассу,– Кеша отвечает. Те смеются. – Мы,– говорят,– народные контролеры, по совместительству защитники и мстители, крыша – короче. Так что гони, дед, монету не выеживайся,– и сумму назвали такую, что Кеша, если бы не был бессмертным, то умер бы от инфаркта, даже дыхание перехватило. Ему и за месяц столько не наторговать. Что и озвучил незамедлительно. Обломы осерчали. Да так, что вспомнил Кеша минуту спустя и ЧеКа, и Гестапо, и СМЕРШ. Били его долго и вдумчиво. Неделю отлеживаться пришлось. Ну и по голове само-собой попало тоже. Лежит Кеша в своей хибарке голодный, да неухоженный. Друзей приятелей не завел, семьей не обзавелся. И вспомнилось ему, как хорошо кормили его в больничной столовке, перед Великой Отечественной. А еще те времена, когда он способностями обладал необычными.– "Эх, сейчас бы и краюха черного ушла за милую душу",– подумал Кеша и пальцами щелкнул. И… ну да, обалдел, краюха натурально с потолка ему в руку упала. Видимо битье на пользу пошло мозгам. Чего-то там, на место опять, как надо вернулось.

Кеша от радости про болячки забыл. Вскочил с постели, будто ему не 1000-а с хвостиком, а лет 20-ть. Способности проверяет. Все вернулись до одной, даже кой-чего прибавилось. Раньше он летать не мог, а теперь только пожелал, пальцами щелкнул и чуть потолок спиной не проломил. Перекусил на скорую руку, бросил свою завалюху – бывшую колхозную собственность к чертовой матери и, сделавшись невидимым, в райцентр полетел. Обломов-обидчиков быстро разыскал. Эти ребята все трое там же на входе у рынка в иноземном драндулете обосновались. Двери распахнули, музыку врубили тоже ненашенскую и баночное пиво сосут и тоже забугорное. Ну, чисто басурмане, только морды конопатые. Кеша минут 10-ть круги над ними выписывал, все никак им наказание придумать не мог. Что в голову ни приходило – все недостаточным казалось. Для начала колеса у таратайки все проколол. Решил издалека начать. Когда на все 4-ре обода "телега" дружно присела, обломы озадачились. Вылезли, вокруг ходят, пинают скаты, бошками вертят уж не прострелил ли кто. А Кеша тем временем за стекла взялся и в 5-ть секунд все вынес в мелкие осколки. Ну, заодно и по музыкальной хрени прошелся. Наступила тишина, аж в ушах зазвенело. Обломы остолбенели. Их любимое транспортное средство за минуту превратилось в непойми что. Будто в жуткой аварии побывало.

А Кеша только начал во вкус входить. Оказывается хулиганство завлекатнейшее занятие, если тебя никто не видит. Пролетая над растерянной троицей, отвесил самому здоровенному облому леща по шее. Удар-то так себе для этой шеи, но придурок, никого кроме приятелей рядом не видя, понял правильно, кто его зацепил. И не тратя время на разбирательства, вмазал со всей дури одному, а потом и другому. Завязалась потасовка. Про авто обломы забыли напрочь, зато вспомнили все обиды друг на друга накопленные. Бились насмерть. Через пять минут без содрогания на троицу смотреть было нельзя. Народ начал собираться любопытный. Близко не подходили, опасались. А троица билась из последних сил. Но и они все же иссякли и теперь сидя на асфальте, обломы рассказывали все, что думают друг о друге. Народ подтянулся поближе и слушал, как завороженный. Столько интересного и в одном месте – это ведь праздник для души любознательной. Но и плохое и хорошее, все когда нибудь заканчивается. Отплевались обломы, отлаялись. Глянули на авто свое забугорное в хлам убитое, поднялись и пошли в ближайший трактир горе запивать. Кеша за ними. Ну, вот мало ему, не удовлетворилась душа содеянным. Трактир не трактир, но надпись мигала и переливалась – "Эльдорадо". Туда троица и нырнула. Следом вошедший Кеша, увидел их уже сидящими за столиком, рядом согнулся халдей в белой рубашонке без рукавов и с черной бабочкой на шее. Согнувшись кренделем он торопливо чиркал ручкой в блокноте, с опаской косясь на помятые лица клиентов. Кеша присел за угловой столик. Через стол от объектов наблюдения. Халдей убежал, приняв заказ и, через минуту уже вернулся с подносом. Графин, фужеры, маринованные грибочки. Сноровисто расставил все перед клиентами, набулькал граммов по 150-т и убежал. Объекты молча взялись за фужеры, Кеша щелкнул пальцами. Начали пить, но сделав по глотку все трое дружно начали отплевываться:

– Эй, морда, ты че нам принес?– заревели все трое хором. Примчался крендель в бабочке.

– Водочку-с, как и просили, что-нибудь не так-с?

– Сам попробуй, козел,– сунул ему в нос фужер один из троих. Крендель взял фужер, Кеша щелкнул пальцами, крендель лизнул и недоуменно уставился на клиентов. – Ну да – водочка-с, как я и осмелился доложить. Пейте, не сомневайтесь, господа, не паленая-с,– и убежал. Обломы уставились на фужеры. Понюхали. Водкой пахнет без сомнений. Подняли, Кеша щелкнул пальцами, сделали по глотку и снова начали плеваться.

– Чтоб я сдох, если это не керосин,– прогундосил здоровяк, получивший "леща". Приятели подтвердили.

– Эй, где ты там, дохлятина, подь сюда,– прибежал крендель в бабочке.

– Ты че, гад, творишь? Жить надоело? Ты над кем, обмылок, шутить надумал? Ты че не знаешь меня? Забыл? Я – Гоша!– и Гоша, чтобы закрепить намертво информацию о своей особе в извилинах кренделя, влепил ему пятерней в лоб. От такой плюхи тщедушного халдея унесло куда-то в глубины заведения, судя по грохоту посуды – на кухню. Вернулся крендель без бабочки, но не один. Рядом с ним вышагивал мужичина габаритами не уступающий Гоше со товарищи. Сзади сосредоточились еще трое таких же – шкафообразных.

– В чем дело, брателла, зачем маленьких обижашь?

– А ты попробуй это пойло, блин. За такое не бьют, а убивают в приличном обчестве,– Гоша протянул вышибале фужер. Тот нюхнул, лизнул и так же, как давеча крендель, непонимающе уставился на клиентов. На Кешин щелчок ни кто внимания не обратил.

– Ну, водка и водка, нормальная. Сам такую пью. В чем проблема, Гоша?– у Гоши глаза налились кровью. – Ты что издеваешься, сучье вымя? Там керосин,– и влепил мужичине в лоб, но уже кулаком… Махач получился славный, заведение разнесли вдребезги, из мебели целым остался только металлический поручень у барной стойки и тот в нескольких местах согнули. Победили вышибалы. Численный перевес, да и троица обломов пришла уже в Эльдорадо несколько уставшей. Тушки вынесли и сложили за ближайшим углом.

Кеша наблюдал за баталией с улицы. Через час обломы оклемались, начали приходить в себя. Кеша вынул из воздуха стул, сел, сделался видимым и терпеливо ждал, когда рожи обидчиков примут осмысленное выражение. Первым оклемался Гоша. "Крепкий организм у парня",– подумал Кеша. Гоша открыл глаза, сфокусировал взгляд, увидел Кешу и спросил: – Ты хто, где я тебя видел?– Кеша крякнул,– "Отбили видать парню память". Вслед за Гошой подтянулись и двое остальных. И вот уже троица, лежа на асфальте, пялится на чудного дедка, который сидит перед ними на стуле. – Те че надо, дед, пшел нах, не видишь – мы болеем? – Эх, робяты, не учили вас папы с мамами вежливости, а зря. Я ведь возмездие ваше, со мной надо разговаривать почтительно и через слово прощения просить,– Кеша укоризненно покачал головой.

– Ты че несешь, сморчок бородатый? Вспомнил я тебя. Че мало звиздюлей в прошлый раз получил? Час мы это дело поправим. Не уходи никуда. Вот малость отдохнем, день у нас нынче трудный, суетный, должно к дождю,– посмотрел Кеша на отморозков, нет не пробрало балбесов, как были свиньями, так ими видать и помрут. Недаром народ поговорку сочинил про черного кобеля, которого не отмоешь до бела.

– Ну, будь по-вашему, хотите свиньями быть – будьте,– и пальцами щелкнул. И на месте трех отмороженных обломов тут же появились три черных хряка. Что там с ними дальше стало, не знаю. Толи их милиция, как бездомных и агрессивных перестреляла, то ли обыватели выловили и на колбасу пустили. Кеша же улетел в самую глухомань и живет сейчас в Сибири, в маленькой деревушке. Название не скажу. Я сам оттуда. У нас там хорошо ни отморозков, ни обломов, ни кризисов.

СКАЗКА ПРО БАБУ-ЯГУ

Глава 1

В деревне одной бабка жила – Ульяна Харитоновна. Лет 70-ти, пенсионерка. Всю жизнь в колхозе за трудодни горбатилась, поэтому и пенсия была курам на смех. Кормилась огородом, десяток кур держала, да поросенка. Поросят всегда называла Борькой. Может быть, в молодости какой-то шалопай с этим именем бабке подгадил, чем нибудь, вот она в отместку всех своих поросят так и называла. Характер у Харитоновны был тяжелый. Скверный – можно даже сказать, отвратительный, скандальный и стервозный. Оно и понятно. Родилась-то она белой и пушистой, а жизнь подправила. То война, то перестройка… Да и личная жизнь не удалась. На той-то войне, что Отечественной Великой называют, мужиков-то поубивали. Какая к чертям собачьим личная жизнь?

Вот и доживала свой век одна, как перст, бабка Ульяна. За характер сволочной, односельчане за глаза, прозвали ее Бабой Ягой. И действительно было даже некоторое внешнее сходство с киношной, которую играет актер Миллер. Даже платок Харитоновна повязывала так же – узлом на лбу. Разве что в лохмотьях не ходила и изба у нее на куриных ногах не вертелась. На этом сходство с прототипом и заканчивалось. В отличие от мифической -эта Баба Яга, ничего такого делать не умела, а наоборот – ни в Бога, ни в черта не верила. И будучи в юности комсомолкой, искренне полагала, что их придумали буржуи 2000-лет назад, чтобы легче управлять темными тогдашними рабочими и крестьянами. Опиум – одним словом – больше ничего. И когда Россия вдруг, как по команде, бросилась после-91-го во вновь открывающиеся храмы креститься и причащаться, припала так сказать к истокам, Харитоновна одна, из немногих старух в деревне, осталась при этом своем атеистическом убеждении, а потому креста не носила и икон в избе не держала. В 91-м, когда СССР приказал долго жить, а в Беловежской пуще собрались самые большие тогдашние начальники, чтобы его похоронить, Харитоновне исполнилось 70-т и, была она еще вполне бодрой и здоровой старухой. Только вот жизнь становилась все трудней. В 92-м инфляция взвинтила цены и, на пенсию жить стало и вовсе невозможно. Огород только и спасал.

Деревушка находилась км в 30-ти от областного города и ее жители вскоре одними из первых в стране получили возможность наблюдать, как появляются и встают на ноги так называемые "новые"русские. Они скупали земли и строили себе особняки из кирпича, стекла и пластиковой черепицы. "Это же какие деньжищи люди в строительство эндаких хором вбивают. Где берут?"– чесали в затылках деревенские. Вскоре рядом с деревушкой вырос целый элитный поселок "домиков-пряников", со своей инфраструктурой. Вот эти "новые" и переменили жизнь бабки Ульяны. Началось с того, что кто-то из них начал расспрашивать местных, а нет ли у них в деревне какой-никакой ведьмы или ворожеи, которая умеет что нибудь эдакое. Кто-то возьми да и укажи на избенку Харитоновны – эвон, мол, у нас целая Баба-Яга имеется.

Пошутил, конечно же, всяк знал, что никакая бабка Ульяна не ведьма, про комсомольскую юность и что даже партизанила в прошлую войну знали. Однако пальцем кто-то из озорства ткнул. И как-то днем бабку Ульяну, ковыряющуюся на грядках, кто-то окликнул:

– Уважаемая, не Вы ли Ульяной Харитоновной будете?– у перекошенного забора стоял здоровенный дядька в кепке с длинным козырьком. На кепке имелась надпись не нашинскими буквами и лошадиная морда.

– Ну, я. А че надоть?– Харитоновна выпрямилась и, уперев руки в бока, уставилась на дядьку с лошадиной мордой на кепке.

– Поговорить хочу за жизнь, Ульяна Харитоновна. Просьбишка у меня к Вам есть пустяшная для Вас, если договоримся по душам, то и отблагодарю в меру сил своих финансовых,– заискивающе улыбнулся дядька.

Харитоновна недоуменно пожала плечами и, не видя пока причины для скандала и ругани, ответила:

– Ну, проходи в избу коли так,– в избенке у нее было хоть и тесно, но чисто. Гость, усевшись на табурет, огляделся, хмыкнул и изложил свою нужду:

– Прослышал я, меня Толяном все кличут, что сильная вы ворожея, Ульяна Харитоновна, что всякие там народные способы ведаете и можете удачу в делах наговорить или, наоборот… там,.. порчу навести. Вот с этим к Вам и пришел.

– Да хто это вам ляпнул такое?– возмутилась Харитоновна.– Сроду я такими делами не занималась.

– Да я заплачу Вам, сколько скажете, не сомневайтесь,– Толян выхватил из кармана кошель и затряс купюрами перед носом опешившей бабки.– Бабла не жалко, только помогите!

– Да что стряслось-то, милок? Может чайку заварить?– от вида эдакого количества денег Харитоновна обомлела.

– Да конкуренты, будь они неладны, того и гляди весь бизнес порушат,– стал жалобиться Толян, прихлебывая из старой, расколотой кружки предложенный чай.– Особенно один гад, Борисом звать. Мне бы его как-то нейтрализовать, а с остальными я уж как-нибудь сам управлюсь.

– Борькой говоришь, как моего кабанчика, значит?– Харитоновна мстительно поджала губы, видимо вспомнив давнего обидчика.– Только я ведь тебе правду говорю, не умею я ничего эдакого, а люди наплетут, не дорого возьмут, так что извиняй, милок. Не по адресу ты зашел.

– Я очень хорошо заплачу,– продолжал уламывать несговорчивую "ведьму" Толян.– Вот аванс оставляю,– и вышлепнул на стол веер тысячных бумажек. У Харитоновны в глазах зарябило.

– А ежели, все получится, то в пять раз больше донесу. Только вы уж постарайтесь. Говорят фото для этого нужно, так я принес,– и рассыпал по столу десяток фотографий с изображением толсторожего мужика с маленькими глазками.– Вот он сволочь!– Харитоновна взяла одну фотографию, вгляделась.

– Ну, вылитый мой порося,– и поняв что иначе ей от визитера не отделаться, вздохнув, согласилась.– Ладноть, уговорил. Посиди пока, я щяс,– сходила в курятник, выдернула у сидящей в гнезде несушки пару перьев и, вернувшись деловито перевязывая их черными нитками, спросила у таращившегося на ее действа Толяна.– Чего исделать с иродом?

– Лучше бы, конечно, чтоб загнулся собака, но ежели кондрашка хватит, то и так сойдет,– обрадовался Толян.

– Ну, как скажешь, милок,– Харитоновна запалила свечу, подожгла от нее перья и бросила их догорать в печь, что-то при этом невнятно бормоча.– Все, милок, неделю супостат твой не протянет, сообщила она незваному гостю. Толян, бормоча благодарности, вылетел за порог, хлопнул калиткой и прыгнув в стоящую неподалеку машину, укатил, только пыль столбом. Харитоновна присела у стола, взяла в руки нежданно свалившееся на нее богатство и рассмеялась старческим хриплым смехом. Если бы Толян услышал, что за заклинание Харитоновна прочитала. Это был единственный стишок, который бабка помнила наизусть со времен учебы в школе рабочей молодежи. Автора она не помнила, а слова были душевные. "Наша Маша громко плачет. Уронила в речку мячик. Маша, Машенька, не плач. Не утонет в речке мяч".

Глава 2

Не прошло и недели, как Толян снова объявился у избенки бабки Ульяны.

– Ульяна Харитоновна, голубушка, слов нет, как я Вам обязан, из петли вынули,– рассыпался он в благодарности.– Вот, как обещал, остальные фантики,– и засыпал столешницу деньгами.

Харитоновна уставилась на них, открыв рот.

– И чего с Борькой-то приключилось? – наконец-то опомнилась бабка.

– Ну-у-у, высший класс, влетел на своем "мерине" под Камаз. По частям вынимали.

– А мерин как, жив ли?– поинтересовалась Харитоновна, ей стало жаль пострадавшую из-за хозяина-поросенка бессловесную скотину.

– Ну,.. морду помяло хорошо, а задница ничего. Вполне можно привести в порядок. Но баксов штук на пять потянет. Только вряд ли вдове сейчас до него. А у меня к Вам еще заказец. Мне бы еще одну гниду к ногтю прижать,– Толян сунул под нос Харитоновне фотографию. Та отшатнулась и побледнела.

– Нет, милок, даже и не проси. Не стану я более такими делами заниматься. Не хорошо это. Животина вон невинная пострадала из-за Борьки,– Толян непонимающе уставился на бабку.

– Какая такая животина?

– Ну, ты же сам сказал, что мерину морду смяли,– ответила Харитоновна и чуть не упала в обморок от дикого Толяниного хохота. Ржал он точно, как мерин и махал при этом руками, пытаясь что-то сказать. Харитоновна сунула ему в руки ковш с водой. Толян отхлебнул и, успокоившись, объяснил, что "мерин" – это автомобиль германский "Мерседес". А в аварии ни одно животное, кроме Борьки мерзавца, не пострадало.

– Все равно ворожить более не буду, грех это – Бог накажет,– и Харитоновна впервые в жизни неумело перекрестилась. Подумав при этом,– "Только бы отвязался".

– Да, что Вы, Ульяна Харитоновна, какой же тут грех? Наоборот Вам за устранение таких гадов бонус полагается. Вы только на рожу эту гляньте сволочную. А знаете, как он свой первый миллион баксов наварил? Фонд помощи сиротам и пенсионерам открыл, денег насобирал, да и прикрылся гад. А Вы говорите грех. Грех отказываться на Вашем месте, и заплачу я Вам втрое больше за эту мразь, чем за Борьку,– Харитоновна взяла в руку фото. На нее смотрел исподлобья толстомордый мужчина.

– Да что это у них у всех морды поросячьи?– удивилась она.– Тоже что ли Борькой кличут?

– Не-е-т, этого козла Саньком называют. Ну, так как?– ответил Толян и выложил из кошеля пачку денег.

– Ох, милок,– Харитоновна махнула рукой и отправилась в курятник.

Совпадение ли фатальное или действительно перья жженые со стишком про Машу как-то срабатывали, но не прошло и трех дней, как Толян вновь появился с довольной физиономией.

– Ну, Ульяна Харитоновна, благодетельница, слов нет, как Вам признателен,– размахивал он руками.

– И чего там с Санькой?– робко поинтересовалась та.

– Да все в лучшем виде. Кондратий хватил, лежит под капельницей овощем. Лекарям бабла заслал, чтоб значит прояснить каковы его шансы, говорят, если повезет, то месячишко, другой протянет. А мне больше и не надо. Мне его только на недельку из тендера выбить и нужно-то было. Ну, Вы кудесница. Всем Вас буду рекомендовать. Ну и вот гонорар, как обещал.

– Ты вот что, милок,– бабка Ульяна скривилась,– не надоть меня рикимандовать,– деньги однако прибрала. А про себя подумала, – "Просто повезло тебе, лошадиная ты морда, ну кака из меня ворожея".

– Ну, что Вы, Ульяна Харитоновна, непременно отрекомендую. У моих приятелей точно такие же проблемы по нынешним временам и платежеспособны, Вы не сомневайтесь,– заверил Толян. С тем и усвистал.

И потянулись к избенке Бабы Яги клиенты. Сдержал слово свое Толян, растрепал, где только мог о ее умениях. Харитоновна опять же первое время пыталась отказываться, но эти толстокожие воспринимали ее отказы, как набивание цены и никак иначе. Ну, а потом попривыкла и уже с клиентами разговоров о том, что не умеет ворожить вести перестала. Смирилась. А самое удивительное, что перья куриные, ниткой черной перемотанные со стишком про Машу, срабатывали в 8-ми случаях из 10-ти. Жизнь-то у бизнесменов активная, не жизнь – вестерн, так что перья, может быть, тут и ни причем вовсе. У Харитоновны уже курицы лысые по подворью шастают, все перья на ворожбу извела, а народ прет и прет. И ведь хоть бы кто,

чего хорошего просил. Все кого-то со свету сжить норовят. Все всем мешают. Харитоновна рукой махнула. Она-то тут причем? Деньги дурни платят, с жиру бесятся. А ей пенсионерке малоимущей, как не взять? Дом вот заново отстроила, забор поправила, телевизор с экраном огроменным приобрела, стиральную машину опять же. Сами несут, как не возьмешь, тем более ничего и делать то не нужно? Не на грядках чай ковыряться. Курей, правда, жалко ощипанных. Они вон бедные даже нестись перестали. А может проблема в петухе злыдне, разборчивый шибко? Может быть к соседским повадился шлындрать обалдуй? Своими, ощипаными пренебрегая. Стала присматривать и точно паразит, ощипанные ему, вишь ли, не партнерши. Пришлось привязывать, как собачонку. Неделю орал, недоволен, вишь. Ну, у Харитоновны не забалуешь. Но перья драть из живых курей решила все же прекратить. Да и этим, "новым" им какая разница чего там палит бабка. Бумагу стала жечь. Чиркнет имя заказанное, ниток черных намотает, да и в печь. Пробормочет стишок, вот и вся ворожба.

Глава 3

Односельчане стали на Харитоновну косо посматривать. С ней и раньше-то, никто особенно не общался, а тут и вовсе шарахаться стали. В лавку, за чем-либо зайдет, все замолкают. Ребятишек непослушных ею пугают. Сама слышала, как соседская молодуха грозила своему 5-ти летнему постреленку, дескать, слушаться не будешь, позову ведьму Харитоновну – Бабу-Ягу, она тебя съест.

Вот ведь народ. Будь она неладна такая слава и денег не надо. Хоть с деревни съезжай. Раньше-то бывало полается с кем-нибудь из соседей, душу отведет, а теперь ведь никто и слова поперек не скажет. Боятся. Вроде как чужой стала всем и сразу. Словом перекинуться не с кем, кроме поросенка Борьки, да петуха непутевого. Избегают люди, как прокаженной сторонятся. Ну, не объяснять же каждому, что не ведьма она никакая и колдовать сроду не умела. А то, что эти толстомясые к ней прутся и днем и ночью, так это так обстоятельства сложились, с легкой руки Толяна с лошадиной мордой. И решила бабка Ульяна отказывать в ворожбе посетителям. Первому заявившемуся так и брякнула:

– Все, милок, иссякли мои силы, видать стара стала – людей изводить эт тебе не с бизнесом ворочаться. По мелочи ежели чего надоть – приворожить, али удачу привлечь это пожалуйста, а чтоб кого в гроб али в койку больничную – это не могу, сил нет никаких, давление скачет. Так и самой недолго в гроб загреметь,– посетитель – мужчина солидный, представительный, с лысиной, в очках с толстенными стеклами аж подпрыгнул на табурете.

– Так, Вы и на удачу заговоры знаете? У меня на днях Контракт важный заключается с японцами. Посодействуйте, Ульяна Харитоновна, и убивать ни кого не надо, узнают вражины, что Контракт подписан, сами от зависти передохнут,– ну чтож, ляпнула языком, думала отвяжется, а оно вон как повернулось. Делать нечего, взяла тетрадный лист, написала корявыми буквами карандашом "КАНТРАК ПАДПИСАТЬ", белыми нитками перемотала, стишок нашептала, да и сожгла.

– Иди, милок, авось сладится,– и поперло к бабке Ульяне народу пуще прежнего. У очкастого-то с японцами все получилось наилучшим образом, вот он и раззвонил гад облезлый. Да еще ведь и бабы ихнии поперлись, про приворот прослышав. Очередь с утра раннего у ворот. Ждут, когда Харитоновна по хозяйству управится и прием начнет. А тут как на грех еще и в газетенке областной какой-то писака шелудивый статейку пропечатал. Так и назвал морда бесстыжая "Наша Баба Яга" И расписал там чего и не было. Что она, дескать, 25-я в поколении, что это её̈ная пра-пра-пра в ступе летала на Лысу гору. Этим газетным жукам только бы тираж распродать, а каково опосля людям… им и дела паразитам нету. А к Харитоновне уже и из других, вовсе уж далеких мест, люди потянулись. Плевалась бабка, а ничего изменить не может. Хоть из дому беги ночью аки тать. Начнет отказывать кому либо, сразу шепоток,– "Харитоновна цену поднимает". Не верят ироды и все тут, еще больше денег прут. Бабка уже не знает куда их совать. Хоть печь ими растапливай. Сроду в богатстве не жила, завидовала

бывало тем, кто посправнее ее обустроился, а теперь-то поняла какая это морока. И поплакаться, пожаловаться некому. Соседи волками смотрят, сквозь зубы здороваются, того и гляди пожгут ночью избу вновь-отстроенную, из страха да зависти. Пробовала деньги им совать, не берут, подвох видят или грязными считают.

Плохо спать стала, все ей чудится, что во дворе кто-то шастает чужой. Извелась, аппетит пропал, кусок в горло не лезет. Сердце заприхватывало и ноги ходить отказываются.

И как то утром раненько, чуть свет поднялась, собралась, да и в недавно-открывшуюся церковь, первый раз в жизни пошла. Храм только открылся, будний день, потому и прихожан никого еще не было. У входа стоял настоятель храма – отец Михаил.

– Здравствуйте, батюшка,– подошла к нему бабка Ульяна.– Ульяной Харитоновной меня кличут, тутошняя я, деревенская. Поговорить мне с Вами надо, посоветоваться.

– Ну, проходи, раба Божья Ульяна,– указал ей на двери храма батюшка. Бабка перекрестилась и шагнула через порог. В храме о.Михаил указал ей на дверцу в боковой придел и там усадив Ульяну Харитоновну на стул полчаса не перебивая слушал ее сбивчивый рассказ про ворожбу, про соседей, про "новых русских".

– Да, матушка, сплела ты себе сети, тут без помощи Божьей и не распутаешь.

– Делать то што, ведь пожгут деревенские? С ведьмами ведь не церемонились никогда?

– Крещена ли, матушка?

– Да я и сама не знаю. Родилась то в 21-м, церкви тогда повсеместно закрывали, да детдомовская я, сюда-то в 38-м, по комсомольской путевке послана была, колхоз поднимать. В войну тут же партизанила, потом когда наши-то пришли, в армию забрали, санитарила до 45-го. Демобилизовалась опять же сюда, ну и дояркой до пенсии отработала.

– Трудную жизнь, Вы прожили, матушка, а то, что не помните крещены али нет – это не важно, можно и еще раз окреститься, Господь благословит и обряд имеется соответственный для неуверенных. Я Вам книжицы дам, почитайте, как подготовиться к таинству и приходите через седмицу. А ворожить прекратите. Скажите твердо, нет приходящим, да хоть табличку на калиточку вывесите с объявлением. Читал я статейку, где про Вас писано. Съезжу, пристыжу редактора. Даст Бог, все уладится,– нашел для нее слова батюшка. Харитоновна летела домой через всю деревню, как на крыльях. Впервые на ее лице за многие годы была не сварливая гримаса, а улыбка. Дома же, первым делом нашла кусок картона и здоровенными буквами написала. "ВАРАЖБЫ НЕ БУДЕТ – БОГ НЕ ВЕЛЕЛ" и, подумав прибавила – "НИКАГДА И НЕ УГАВАРИТЕ". Через неделю Ульяну Харитоновну окрестили в храме и имя нарекли новое по ее просьбе – Мария, как у Богородицы. "Новые русские" еще какое-то время совались к ее избе, но картонное объявление, упоминающее Бога, расхолаживало и отпугивало своей лаконичностью. Деревенские же, удивленные поступком бабки Марии, а особенно тем, что она пожертвовала на нужды храма огромную сумму денег, Бабой Ягой именовать ее перестали. Кто-то первый назвал бабушкой Машей, так и повелось.

СКАЗКА ПРО ПАРТИЗАНА

Парня звали Серегой, он сидел у костра, только что сменившись из дозора, и хлебал из солдатского алюминиевого котелка алюминиевой же ложкой грибной суп. Вот уже вторую неделю партизанский отряд имени В.И.Чапаева пытался вырваться из блокадного кольца. Сильно видать чапаевцы досадили фрицам раз ихнее командование, сняв с фронта стрелковую дивизию, бросило ее на прочесывание смоленских лесов. Да еще и полицаев – сук продажных – целый сводный полк привлекло. О нормальной пище приходилось только мечтать. Хлеб давно уже закончился, хорошо хоть конец лета и год грибной. Ягоды да шавель с грибами и, Слава Богу, соль еще имелась в запасе.

Серега был в отряде с самого его основания, когда он, выходя из окружения, повстречал в лесу трех бойцов и старшего политрука Семенова, таких же окруженцев. Вот с них-то и начинался отряд имени легендарного героя Гражданской войны. Старший политрук его и

возглавил. Сейчас-то больше 100-а человек. Рота по армейским меркам. И вот за этой-то ротой и мотаются по лесам целая дивизия и полк. Тысяч 15-ть человек. "Вот уж уважили",– Серега хмыкнул.

– Ты чего лыбишься, как засватанный?– сидящий рядом с ним дед Авдей, подцепил головешку из костра и, раскурив самокрутку, сожалеюще потряс головой.– Самосад-то тоже вишь на исходе, еще пару закруток и капут, как фрицы говорят. У тебя как с этим?

– А-а!– отмахнулся Серега.– Выйдем ужо из петли… накуримся. А улыбаюсь, дедусь, тому, что нас то вон сотня, а таскаем за собой тыщ пятнадцать дней уж 10-ть.

– Так ить раненых у нас половина. Таскаем… эх! Бегаем, как зайцы! К болоту теперича прижали. Ну-ка через трясину махни, половина не дойдет – утопнет. Молодой ты еще, зеленый совсем, вот и лыбишься. Тут выть впору. Сколь тебе годков то? 27-е-е-м. Ну, большой уже, жениться пора.

– Да я женат. До войны успел и сынок у меня подрастает, уже пять лет пацану.

– Вона как. Ну, извини на худом слове старого дурня. И где нонче семейство обретается?

– То-то и оно, что под оккупантами, рядом в Псковской области… Я там после действительной на строительстве укрепрайона работал. А Надюха тоже по комсомольской путевке там в учетчицах. Вот и познакомились. Она сама из Пскова, а я здешний Смоленский. Ну, а в 39-ом, когда границу сдвинули, УР законсервировали, а кой-чего и сносить стали, потому вроде как без надобности оказался. Ну, я опять же и в этих работах пригодился. Так вот до войны и дожили.

Из темноты вывернулась рослая фигура командира отряда Семенова.

– Мужики, вы чего костер раскочегарили, ну-ка немедля притушить. Вы что, думаете, фриц спит? У него тоже разведка имеется. Сказано же было аккуратно. За 10-ть верст пади видно,– проворчал он, усаживаясь рядом с Серегой.

– Так ить, товарищ командир, тута низинка, да прикопали мы маненько,– заоправдывался дед, убирая половину веток из кострища и притаптывая их.

– Низинка. Шарахнет немец из миномета и будут тебе поминки в этой низинке. А ты, Григорьев, из дозора пади? Как там?

– Да тихо было, товарищ старший политрук.

– Поужинал? Ну, вот и ладно, а теперь спать, часов через пять выходим. Через болото пойдем, чуть рассветет, мужики слеги уже заготовили. Давай, давай не засиживайтесь и костер присыпьте,– поднялся и шагнул в темноту. Костер загасили. Серега сполоснул котелок болотной, стоялой, с тухлятинкой водицей и, подхватив автомат ППШ и солдатский сидор, отправился к примеченной им сосне, которую давненько видимо молнией вывернуло с корнем и она упав, так и высохла на взгорке. Под ее корнями и пристроился, набросав для удобства наломанного елового лапника. Им же и прикрылся. Проснулся от взрывов и стрельбы, чуть светало. "Каратели, эх не успели уйти. Пока швыряют мины лучше отсидеться здесь, а уж как обстрел прекратят, пойдут прочесывать, тут уж надо и валить. Как же дозоры? Неуж-то вырезали втихую, суки?"– мысли в голове метались, а руки механически проверяли боезапас. Три гранаты Ф-1 и запасной диск к ППШ. Россыпью еще сколько-то есть. Тут мина рванула совсем рядом, так что аж уши заложило, а земля под Серегой подпрыгнула. И еще одна и опять чуть ли не в яму, в которой он обустроился. В ушах звон, глаза песком забило и привалило грунтом так, что едва рукой шевельнешь.– "Ну, вот и все, влип. Возьмут тепленьким, то-то радости будет гнидам",– попробовал дотянуться до лица, чтобы протереть глаза. Вечность прошла пока смог сдвинуть на пару сантиметров.– "Да меня, похоже, похоронило",– испугался Серега.– "Почему тогда не задыхаюсь? Ветки… и тянет снизу",– замотал головой и опять испугался.– "Ведь не слышу ни хрена, гудит в ушах, как в столбе телеграфном, переждать надо. Немцы-то пади обстрел прекратили, земля вон не вздрагивает, значит, идут добивать",– и затаился.– "А что делать? Не звать же на помощь. А сам пока раскопаешься – три часа пройдет, да еще

и увидят, что земля шевелится, бросят гранату на упокой души или того хуже откопают. Нет уж, лучше так сдохнуть, чем в плен попасть. Все одно повесят. Так еще и поизмываются в волю",– сколько пережидал – час или два, а может и все десять, только решил, что хватит и начал потихоньку шевелиться. Сначала трудно, потом пошло поспорее, и вот уже рука у лица и вторую подтянул, ногами уперся во что-то, распрямляться начал и увидел свет проморгавшимися глазами. Слабенький лучик. Воздух потек вольготнее, видимо под стволом сосновым складки местности позволяли. Камни там или еще что-то помешало дереву плотно к грунту прильнуть. Повезло. Звон в ушах потихоньку ослабевал и Серега с радостью услышал щебет лесных птах. Как пение ангелов небесных, а раньше ведь и не замечал. Так – фон привычный. Долго прислушивался, не слыхать ли людей. Нет, только птицы. И стал смелее расчищать путь к свободе. Через полчаса или час выполз. Взглянул на часы трофейные, стоят. Завел. Взглянул на солнце. Высоко, за полдень перевалило, и поставил наугад стрелки на час дня. Огляделся – ни немцев, ни своих. Видимо партизаны, кто цел остался, через болота все же подались. Ну, а немчура, у трясины потоптавшись, убитых для отчетности собрала и тоже умотала. – "И что теперь? Через болото, вслед за отрядом? Тропок не знаю. Проводник из местных и тот побаивался вести, в затылке скреб. А я тут и двух шагов не сделаю самостоятельно. Нет, нужно как-то иначе действовать",– думал Серега.– "А может немцы и вовсе блокаду сняли с этих мест? Отрапортуют, что с партизанами покончено, да и вернутся в окопы? А болото обойти можно – это, правда, крюк какой км-15-ть, зато лесом все время. И место резервной базы он помнит, сам обустраивал с ребятами. Как там они? Кто жив, кого нет?"– повздыхал, землицу из-за шиворота и из сапог вытряхнул, да и пошел краем болотины на север, в сторону Пскова.– "А может и вовсе на Псковщину податься? Сколь уж дома-то не был. Воюю уже два года рядом, а так и не выбрался. Как там они под немцем? Голодно пади. А сынуля Андрейка и не узнает, небось, отца. Ох, война. Отряд отыщу, обязательно отпрошусь у командира, отпустит чай на денек. Мне только одним глазком глянуть, убедиться, что живы и хоть опять год воевать готов. Так и скажу. Мужик он вообще-то душевный, должен понять, у самого семья и детишки есть",– так вот, разговаривая мысленно, то с командиром, то с женой Надюхой полдня и прошагал. Лес стоял тихий, только птицы голосили. Дятел где-то долбал по стволу и кукушки заливались, обещая лет по сто кряду. Попутно собирал грибы, складывая их в практически пустой вещмешок. Пара портянок запасных, кусок мыла, котелок с ложкой, да патроны россыпью с десяток брякают. Вот и все имущество. Не считая запасного диска и трех гранат. Ночью запалил костерок совсем крошечный, только чтобы грибы на ветке пропечь. Тепло пока, конец августа. А чуть рассвело, подхватился и дальше побрел. Болото по правую руку, не заблудишься. Да и места в общем-то за год исхоженные вдоль и поперек, хоть в лесники сюда работать иди после войны. Когда часы, наугад поставленные, показали 10-часов, впереди послышался шум рыкнувшего автомобильного движка.

"Немцы",– присел, схватившись за автомат Серега. Впереди большущая поляна. Прислушался. "Голоса вроде и вроде на русском чешут. Да, вот и матершинка проскочила",– залег. И тут на противоположном краю поляны появились двое. "Полицаи",– ахнул Серега,– "значит, оставили все же заслон какой-никакой из перевертышей",– а полицаи меж тем, громко смеясь чему-то своему полицайскому, двигались прямо в его сторону. Бежать было поздно, Серега передернул затвор. Лязг расслышали даже эти два олуха и остановились, неудоуменно крутя головами. Короткой, экономной очередью, Серега положил обоих, даже за автоматы, на плечах висящие, схватиться не успели. Упали, как подкошенные.-"Ну, сейчас будет весело, набегут сволочи, мало не покажется",– вскочил на ноги, готовясь обстрелять первых, кто выскочит вслед за этими уже покойничками, чтобы гонор сбить, да и рвануть потом самому. Однако никто не выскакивал, не кричал и не стрелял. Тишина.

"Неужто двое их всего и было? А движок? Может, высадили, да дальше проскочили? Все равно очередь должны были хоть и за километр услыхать. Пади разворачиваются. И сколько

у меня времени есть? Минута, две?"– осторожно, пригнувшись, Серега крадучись подошел к убитым. Два молодых парня, примерно его возраста.– "Оружие и патроны первым делом изъять, что-то форма у них странная какая-то серая, не видел такой и повязок нет. А чего там на рукаве куртки? Флаг трехцветный. Власовцы никак. Вот, значит, кого привлекли партизан по лесам отлавливать. И шмайсеры у них какие-то новые с кривыми рожками",– Серега живенько сдернул автоматы, прибрал в сидор и шесть запасных рожков к ним. В кобурах, на поясных ремнях, обнаружил пистолеты тоже не знакомой ему системы. "Ишь ты, как Гитлер их сволочей снарядил. И форма с иголочки и оружием, как елки новогодние обвешаны",– из нагрудных карманов извлек две пачки сигарет и две прозрачные, бензиновые зажигалки.– "Стеклянные штоль?"– удивился, сунув их вслед за куревом в карман гимнастерки.– "Так, документы пока в сидор, потом разберусь. Кошельки с деньгами и ключи. Ключи на хрен, а деньги, может, и пригодятся",– снял с одного из убитых поясной ремень, офицерский, с кобурой. Стрельбы, криков и шума автомобильного двигателя по-прежнему слышно не было, но Серега не стал искушать судьбу и, повернувшись, скорым шагом рванул подальше от поляны. Потом ему показалось, что рыкнул где-то совсем недалеко автомобиль и тогда Серега побежал. Бежал долго, пока хватало сил. Км-5-ть отмахал от той поляны, уж никак не меньше.– "Все… привал, покурить, оправиться",– скомандовал сам себе и рухнул в траву. Минут пять лежал, бездумно наблюдая за ползающей по травинке перед самым его лицом божьей коровкой. Потом сел, привалился спиной к березке и вынул пачку трофейных сигарет. На пачке было что-то написано по-немецки. Вынул сигарету, понюхал. Вроде не плохой запах. Достал зажигалку из стекла, чиркнул пальцем по колесику и прикурил. Сигареты оказались крепкими, хоть и с рыжим мундштуком, видимо чтобы табак в рот не лез.– "Ну, фрицы, ну умеют. Ведь умная же нация, сидели бы у себя, придумывали бы всякую хрень, вроде этой зажигалки, нет… им воевать надо",– принялся изучать трофейные автоматы. Как работают разобрался быстро. Отщелкнул рожок, выщелкнул патрон, вставил обратно, передернул затвор, щелкнул курком.– "Так – это стало быть предохранитель, два щелчка – значит, для одиночной и стрельбы очередями. Приклад откидной. Это я уже видел. Рожок на место и патрон в патронник. Проще пареной репы. Ставим на предохранитель. Готово",– так же быстро разобрался и с пистолетами.– "Предохранитель, обойма, передернуть и стрелять. Еще проще",– ремень трофейный надел с кобурой, сунул туда пистолет, второй сунул в сидор. Вспомнил про Ауйсвайсы. Достал.– « Так, красного цвета, написано по-русски "Служебное удостоверение" и орел двуглавый с языками змеиными, перья распушил. Понятно, власовцы хотят царя на трон вернуть, вот уже и герб царский себе на документах рисуют»,– открыл удостоверение. «Фотография. Молодой парень в форме, только без кепки полицайской. Что тут пишут, кому выдано? Выдано Григорьеву Сергею Андреевичу. Ишь ты однофамилец попался гаденыш и даже тезка. Капитан УВД. Что это за УВД? Д – это диверсанты наверное. А В-понятно Власовцы и Д скорее уж -дивизия. Ну да – Власовская дивизия.А У – ударная пади. Выдано Псковским ГУВД МВД России. А это, наверное, Г – Главные Диверсанты. Вот сучары. Ишь ты, Россия и печать опять с орлом распушившимся. Ну, подписи, то се»,– Серега с отвращением швырнул красную корку в траву. Рассмотрел и деньги. Таких, он еще не видел. «Так, вот 50-тирублевая купюра. Дом, баба с веслом, так Санкт-Петербург – это же Ленинград так раньше назывался. Банк России и опять этот орел, только не пушистый, на курицу скорее похож. Ну, Власов, ну сука. Ты возьми, победи, сперва. Уже переименовал»,– Серега с омерзением отбросил купюру в сторону и даже руки о траву вытер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.